

Я сказала, что составлю тебе компанию, значит, составлю. Разве можно позволить Вэньюаню возвращаться в родительский дом в одиночку? Я уже велела управляющему Чжану подготовить карету и подарки, так что давай отправимся в путь.

Цзи Шунуань впервые куда-то выбиралась, поэтому в ее сердце затеплилось легкое предвкушение. Ей было ужасно любопытно, какие лица состроят на этот раз те члены Семьи Вэнь, да и втайне она надеялась, что если поступит так, Вэнь Сяньцю оценит ее доброту и перестанет преследовать по ночам в образе мстительного призрака. Цзи Шунуань первой направилась к карете. Вэнь Сяньцю стояла на месте, и на ее лице не отражалось особой радости; проводив взглядом спину Цзи Шунуань, она подавила промелькнувшие в глазах недоумение и мрачность, а спустя мгновение тоже последовала за ней.

Карета благополучно добралась до Семьи Вэнь. Похоже, здесь заранее догадывались, что Вэнь Сяньцю навестит родные пенаты в этот день, поэтому у ворот ее уже поджидал слуга, хотя отношение с его стороны вовсе не казалось чересчур радушным. После того как лошади остановились, Цзи Шунуань первой выпрыгнула наружу. Стоя у подножки, она протянула руку Вэнь Сяньцю, и та, помедлив секунду, легко оперлась на ее ладонь и спустилась на землю.

Весть о том, что они вернулись в родительский дом вместе, молниеносно разнеслась по всей Семье Вэнь. Хотя Отец Вэнь и мать Вэнь на дух не переносят Цзи Шунуань, раз уж гости пожаловали, Семье Вэнь не хотелось давать повод для сплетен, так что для вида приходилось сохранять приличия. Помимо Отца Вэнь и матери Вэнь, навстречу гостям вышел брат Вэнь Сяньцю, Вэнь Хэн, за руку со своей беременной женой. Цзи Шунуань молча изучала выражения лиц собравшихся — те даже не утруждались скрывать свое раздражение и брезгливость. Цзи Шунуань уже собиралась что-то произнести, как вдруг из внутреннего двора выбежал мальчик-тяньюань нескольких лет от роду и, увидев Вэнь Сяньцю, громко завопил. Папочка, бесстыжая девчонка-нахлебница вернулась! Разве ты не говорил, что у неё сегодня не хватит совести вернуться? Детские устами глаголет истина, однако столь малый ребёнок выдал подобные слова, что ясно указывало на его родителей — дома они наверняка говорили о ней немало подобного. Бесстыжая девчонка-нахлебница, о которой шла речь, разумеется, была Вэнь Сяньцю. Услышав это, Цзи Шунуань инстинктивно оглянулась на Вэнь Сяньцю и увидела, что та опустила голову, так что выражения её лица было не разглядеть. Впрочем, и без того понятно: кому ни окажись на её месте, никому не было бы приятно. Заметив смущенные лица Отца Вэнь и мачехи, которые даже не попытались отчитать ребёнка, Цзи Шунуань помрачнела, подошла прямо к мальчишке и со всего маху пнула его по лицу, так что тот пропахал носом землю.

Что это за дикий ребёнок? Если его некому учить, я сама его научу! Выходка Цзи Шунуань повергла всех в шок. Отец Вэнь с женой и вовсе вытаращили глаза от злости, услышав её иносказательные ругательства, а Вэнь Хэн тут же подскочил к ней и схватил за воротник. Ты что творишь? Он же еще ребенок!

Как только эти слова сорвались с уст, Цзи Шунуань чуть не рассмеялась в голос. Она никак не ожидала, что, попав в древние времена, услышит столь до боли знакомую фразу.

Взгляд Цзи Шунуань упал на лицо Вэнь Хэна, в ее глазах читалось предупреждение, смешанное с явной угрозой. Раньше ее жизнь текла гладко и беззаботно, ей приходилось лишь

принимать лесть от окружающих, и еще никто не смел хватать ее за воротник и разговаривать в таком тоне. Цзи Шунуань вовсе не была бумажным тигром, как прежняя хозяйка этого тела, к тому же она была уверена, что Вэнь Хэн не посмеет причинить ей вред.

И действительно, встретившись взглядом с ее леденящими, пронзительными глазами, Вэнь Хэн бессознательно отпустил ее и, прижимая к груди громко плачущего сына, принялся сострадательно растирать ему щеку.

Увидев на лице ребенка след от ноги, Цзи Шунуань вдруг расхохоталась. Даже она сама подумала, что сейчас смеется точь-в-точь как какая-нибудь злодейка. Разве этот ребёнок в чём-то виноват? Разве не у каждого есть право побывать малышом? Моя супруга — тоже самое главное сокровище нашей Семьи Цзи, и если кто-то посмеет её обидеть, я непременно заступлюсь.

В конце концов эта буффонада завершилась под холодным окриком Отца Вэнь. Во-первых, ему не хотелось поднимать шум из-за столь ничтожных пустяков и становиться посмешищем для окружающих, а во-вторых, Цзи Шунуань обладала дурной славой, и любой здравомыслящий человек предпочёл бы не связываться с ней лишний раз. Несмотря на затаившуюся в сердце обиду из-за того, что его сыну отвесили пинок, Вэнь Хэн мог лишь сердито взмахнуть рукавом и оставить всё как есть.

Строго говоря, в первом раунде победу одержала она сама, — сладко размышляя про себя, Цзи Шунуань с улыбкой обернулась на Вэнь Сяньцю. Она рассчитывала увидеть в её глазах восхищенный взгляд, но вместо этого Вэнь Сяньцю лишь сосредоточенно и сурово всматривалась в неё, словно раздумывая о чём-то глубоком. И лишь когда та повернулась к ней, она наконец пришла в себя.

— Жена, спасибо, что заступилась за меня. — Вэнь Сяньцю подошла ближе и аккуратно поправила платье Цзи Шунуань. Только сейчас Цзи Шунуань заметила, что после недавней возни с Вэнь Хэном её одежда вся сбилась. В этом мире различия полов давно уже не сводились к простому делению на мужчин и женщин: Вэнь Хэн был тяньюанем, и Цзи Шунуань тоже была тяньюанем. Истинные ци тяньюаней взаимно отталкивались друг от друга — в отличие от взаимного притяжения между тяньюанями и вэньюанями, запах чужой истинной ци тяньюаня они воспринимали не иначе как вызов.

Платье, за которое только что дёргал Вэнь Хэн, до сих пор источало неприятный, дурманящий запах — судя по всему, это была оставленная им истинная ци. Цзи Шунуань с брезгливостью протерла место ароматизированным платком, спрятанным в рукаве, и наконец избавилась от чужеродного душка. Она решила, что и платье, и этот платок она просто выбросит, а в крайнем случае купит для Вэнь Сяньцю новое.

— Пустяки, я на дух не переношу невоспитанных детей.

Вспомнив недавнего маленького тяньюаня, Цзи Шунуань всё ещё чувствовала, что не до конца выпустила пар. Она всегда считала детей созданиями крайне крайностями: послушные и

тихие, разумеется, казались ей милыми. Но если речь шла о ком-то вроде сына Вэнь Хэна — уродливом, непослушном и обожающем сквернословить, — она, конечно же, ни капли не сомневалась бы, преподав ему хорошенький урок вместо его родителей.

В Шачэн выданная замуж вэньюань при возвращении в родительский дом должна была лично накрыть целый стол угощений, причём все блюда подавались исключительно парами, символизируя гармонию и полноту семейного очага. Несмотря на недовольство Цзи Шунуань, Семья Вэнь проявляла в подобных вопросах удивительное упорство, что выдавало в них приверженность патриархальным устоям. Кухарки готовили довольно быстро, что избавило Цзи Шунуань от необходимости неловко беседовать с членами Семьи Вэнь в гостинной.

Вскоре весь стол заставили восемнадцатью блюдами, а за самим столом как раз собралось двенадцать человек. Помимо родителей Вэнь Сяньцю, её старшего брата с женой, того самого несносного ребёнка, которого она недавно пнула, здесь присутствовали и другие люди, чьих имен Цзи Шунуань не знала. Не хватало лишь одного человека: как только посуда была расставлена, из глубины дома неторопливо вышла ещё одна гостья. Бросив взгляд, Цзи Шунуань заметила, что это была женщина-тяньюань с сонным, несколько расслабленным выражением лица, облаченная в свободные шаровары. В её чертах угадывалось сходство с Вэнь Сяньцю, судя по всему, это была старшая сестра Вэнь Сяньцю — Вэнь Шанли. Прежняя хозяйка тела почти не запомнила Вэнь Шанли, поэтому и Цзи Шунуань не стала уделять ей особого внимания. Однако из двух оставшихся свободных мест та уселась именно рядом с ней. Стоило той занять своё место, как от неё пахнуло винными парами, заставив Цзи Шунуань слегка поморщиться.

<http://bllate.org/book/24913/2948085>